

И. А. Баландина
(*научн. руководитель Т. А. Снигирева*)
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Характер автобиографизма в прозе И. Бродского

Аннотация: на материале эссе-воспоминаний «Полторы комнаты», «Меньше единицы» и критических статей исследуется характер автобиографического повествования И. Бродского. Выделен открытый тип автобиографизма, эксплицитно выраженный и связанный с рефлексией поэта о своем жизненном пути и попытками закрепления в слове уходящего Времени. Рассмотрены ключевые черты автобиографического нарратива в эссе-воспоминаниях Бродского.

Ключевые слова: И. Бродский, эссе, мемуары, автобиографическая рефлексия, проза поэта.

Исследуя специфику автобиографического повествования Л. Я. Гинзбург говорит о предопределенной жанром недостоверности описания жизненных событий. Особенно важным в мемуарной прозе становится «принцип выражения авторского сознания» [Гинзбург 1976: 258]. Понимание эссеистики Бродского как прозы поэта дает возможность говорить об установке на предельную субъективность повествования, присущую поэтическому тексту. Согласно Е. В. Федоровой: «“Проза поэта” характеризуется концентрацией символических образов, раскрывающих идейный замысел произведения. Такая насыщенность создается с помощью повторов определенных символов, метафор. <...> Феномен “проза поэта” характеризуется и особой ритмической структурой произведений, проявляющейся на уровне композиционном, лейтмотивном, синтаксическом, метрическом» [Федорова 2010: 94, 96]. Специфические черты прозы поэта присущи эссе-воспоминаниям Бродского, таким как «Полторы комнаты», «Меньше единицы» или «Набережная неисцелимых», поскольку очевидна повышенная субъективность текста, связанного с «Я» поэта. Усложненность образной структуры текста и специфика символики, создаваемой часто через не прямые, внутренние ассоциативные связи, как, например, образ пары ворон как посмертного воплощения родителей в эссе «Полторы комнаты», формирует особый поэтический мир воспоминаний Бродского.

Одним из ключевых в автобиографических эссе Бродского становится мотив приватной памяти и ее сохранения. В литературно-критической статье о прозе Марины Цветаевой подобное предназначение присвоено всей литературе в целом: «В конечном счете, каждый литератор стремится к одному и тому же: настичь или удержать утраченное или текущее Время» [Бродский 2001 (V): 131]. Эссе начинают создаваться уже в эмиграции, в отрыве от родной культуры – и оттого утрата воспоминаний кажется для Бродского особенно трагичной. Чувство постепенного ухудшения собственной физической памяти дает толчок для создания эссе-воспоминаний как памятника уходящему.

Этот мотив проявляется уже в относительно раннем эссе «Меньше единицы» – Бродский начинает говорить об утрачивании памяти под давлением времени: «По безнадежности все попытки воскресить прошлое похожи на старания постичь смысл жизни. Чувствуешь себя, как младенец, пытающийся схватить баскетбольный мяч: он выскальзывает из рук» [Бродский 2001 (V): 7]. Для Бродского его эссе становится своеобразным снимком семейной истории, запечатлевшим, как любое мемуарное произведение, предметный мир эпохи, его детали, на которые хочется обратить особое внимание. Для поэта создание таких мемуарных записей становится в том числе и новым опытом, своеобразным экспериментом: «Я вспоминаю об этих вещах не потому, что считаю их ключами к подсознательному, и подавно не из ностальгии по детству. Я вспоминаю о них потому, что никогда прежде этим не занимался, потому что желаю кое-какие из них

сохранить – хотя бы на бумаге» [Бродский 2001 (V): 10]. Впрочем, само уверенное отрицание попытки обратиться к своей памяти не ради нового языкового опыта – скорее неловкое желание убедить в этом читателя и самого себя, хотя само стремление сохранить воспоминания уже противоречит этому заявлению поэта.

Попытка остановить время как на фотографии подталкивает к порой чрезмерной подробности описания. Так говорит о детальности повествования в прозе поэта сам Бродский: «Роль детали в этого рода прозе уподобляется, таким образом, роли самого ее замедленного, по сравнению с поэтической речью, течения: роль эта – чисто терапевтическая, это роль соломинки, за которую всем известно кто хватается. Чем подробней описание, тем необходимей соломинка» [Бродский 2001 (V): 134]. Явление гипердетализации, отмеченное в статье о Цветаевой, характерно для его собственной прозы: «Роль, отведенную повсеместно чердакам или подвалам, в нашем случае играли буфеты. Различные отцовские фотоаппараты, принадлежности для проявления и печатания снимков, сами снимки, посуда, фарфор, белье, скатерти <...> прочие сувениры памяти – все это хранилось в пещерных недрах буфетов, преподнося, когда открываешь дверцу, букет из нафталина, старой кожи и пыли. На нижней части буфета, как на каминной полке, красовались два хрустальных графина с ликерами и покрытая глазурью фарфоровая парочка подвыпивших китайских рыбаков, тянущих свой улов. Мать вытирала с них пыль два раза в неделю» [Бродский 2001 (V): 10]. Подробное перечисление содержимого буфетов в эссе «Полторы комнаты» – это те самые судорожные попытки памяти ухватить как можно больше.

Немалую роль играет языковая специфика мемуарной эссеистики Бродского: все воспоминания написаны на «чужеродном» языке – на английском. И этой смене языка поэт придает особый смысл. Помимо прагматики, Бродскому аналитизм английского языка казался более подходящим для прозы, чем структура русского, можно говорить о своеобразном «отстранении» от своей биографии через смену языковой парадигмы: «Биография писателя – в покрое его языка. <...> пишу я это не для того, чтобы уточнить хронику жизни <...>, а больше по той обыкновенной причине, по какой вообще пишет писатель: чтобы подхлестнуть язык – или себя языком, в данном случае чужезванным. То небольшое, что я помню, сокращается еще больше, будучи воспоминаемо по-английски» [Бродский 2001 (V): 7]. В эссе «Полторы комнаты» английский язык становится некоторой попыткой освободиться от давления стереотипов, деавтоматизировать собственную память: «Я пишу о них по-английски, ибо хочу даровать им резерв свободы; резерв, растущий вместе с числом тех, кто пожелает прочесть это. Я хочу, чтобы Мария Вольперт и Александр Бродский обрели реальность в "иноземном кодексе совести", хочу, чтобы глаголы движения английского языка повторили их жесты. <...> По-русски я готов читать, писать стихи или письма. Однако Марии Вольперт и Александру Бродскому английский сулит лучший вид загробной жизни, возможно, единственно существующий, не считая заключенного во мне самом» [Бродский 2001 (V): 325]. Отказ от описания детства на русском языке – это попытка сделать шаг в сторону от своей биографии, выйти из субъективного поля восприятия и создать произведение документальной достоверности. Отстранение от бытового и попытка снятия национально-культурной маркировки описываемых реалий через отстранение от языка выводит повествование из опыта частной памяти на уровень общечеловеческого. Желание создать объективные воспоминания о родителях и отойти от своего «я» придает этому тексту особую тональность, далекую, впрочем, от искомой Бродским документальности.

Ключевым отличием от классического мемуарного жанра становится безусловная поэтичность и экзистенциализм эссе Бродского – попытки сохранения памяти перемешаны со сложной рефлексией обо всем, что «подворачивается» разуму поэта, как рассуждения о западной цивилизации в эссе «Посвящается позвоночнику»: «Может быть даже, говорил я себе, вся европейская культура, с ее соборами, готикой, барокко, рококо, завитками, финтифлюшками, пилястрами, акантами и проч., есть всего лишь тоска обезьяны по

утраченному навсегда лесу. Не показательно ли, что культура – как мы ее знаем – и расцвела-то именно в Средиземноморье, где растительность начинает меняться и как бы обрывается над морем перед полетом или бегством в свое подлинное отечество...» [Бродский 2003: 60]. Впрочем, неотрывны от таких рассуждений и размышления о себе самом, как, например, оправдывая «поверхностное» описание Венеции, пишет Бродский в «Набережной неисцелимых»: «Я не праведник (хотя стараюсь не выводить совесть из равновесия) и не мудрец; не эстет и не философ. Я просто нервный, в силу обстоятельств и собственных поступков, но наблюдательный человек» [Бродский 2001 (VII): 14].

Так, можно говорить о следующих особенностях открытого автобиографического повествования у Бродского: спецификой его мемуарного текста становится поэтическая субъективность воспоминаний – изначально не предполагается документальной достоверности в описании эпохи, а мотив сохранения памяти напрямую связан именно с попытками фиксации ушедшего как предельно ценного – отсюда вытекает избыточная детализация в описании бытовых мелочей в воспоминаниях о родителях. Немаловажным становится осознанный переход на другой язык: для Бродского писание на ином языке становится способом «освобождения», попыткой избежать влияния на воспоминания о детстве известных стереотипов, а переход к другой языковой парадигме выступает как способ деавтоматизации восприятия, взгляда на воспоминания не только «сквозь года», но и через призму другого культурного кода. Воплощение собственного биографического «Я» становится неотделимо от поэтического.

Литература

Бродский И. Собрание сочинений в VII т. Том V. СПб. : Пушкинский фонд, 2001.

Бродский И. Собрание сочинений в VII т. Том VI. – СПб. : Пушкинский фонд, 2003.

Бродский И. Собрание сочинений в VII т. Том VII. – СПб. : Пушкинский фонд, 2001.

Гинзбург Л. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. Л. : Худож. лит. 1976.

Федорова Е. В. Своеобразие феномена «Проза поэта» (на материале творчества М. Цветаевой, З. Гиппиус, Е. Гуро) / Е. В. Федорова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2010. №1 (177). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoeobrazie-fenomena-proza-poeta-na-materiale-tvorchestva-m-tsvetaevoy-3-gippius-e-guro> (дата обращения: 19.03.2023).

Balandina I. A. *The essence of autobiography in the prose of J. Brodsky*

Abstract: based on the material of the essay memoirs “One and a half rooms”, “Less than one” and critical articles by I. Brodsky, the nature of the autobiographical narrative in the essay memoirs is investigated. An open type of autobiography is highlighted, explicitly expressed and associated with the poet's reflections on his life path and attempts to consolidate the passing time in the word. The key features of autobiographical narration in Brodsky's essay-memoirs are considered.

Keywords: Brodsky, essay, memoirs, autobiography.

А. Л. Насонов

(научн. руководитель Т. А. Тернова)

Воронежский государственный университет,

Воронеж, Россия

Автобиографическое начало в очерковой прозе Василия Пескова

Аннотация: в статье речь идет об автобиографическом тексте В. М. Пескова «Речка моего детства», изданном в воронежском журнале «Подъем» (2007, 2015).